

Дмитрий Андреевич Фурманов

Из дневников (Извлечения)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д53

Д53 **Дмитрий Андреевич Фурманов**
Из дневников (Извлечения) / Дмитрий Андреевич Фурманов – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-2788-5

Фурманов вел дневники с юношества и до самой смерти. Впечатления от прочитанных книг, размышления над ними, поиски места в жизни, анализ собственных поступков - все сошлось в этом поразительном человеческом документе.

Немалое место в жизни Фурманова занимала публицистика. Он писал на экономические, политические темы и, конечно же, темы искусства.

ISBN 978-5-4241-2788-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Фурманов Дмитрий Андреевич
Из дневников (Извлечения)

Дмитрий Андреевич ФУРМАНОВ
ИЗ ДНЕВНИКОВ

(Извлечения)

СОДЕРЖАНИЕ:

1919 год

1920 год

1921 год

1922 год

1923 год

1924 год

1925 год

1926 год

Примечания

1919 ГОД

9 я н в а р я

...Я уезжаю* на фронт... Мы едем туда на большое, ответственное, опасное дело. Фрунзе назначен командующим 4-й армией. Меня пригласил ехать вместе с собой. Партийный комитет скрепя сердце отпустил и благословил. Теперь все кончено. Через несколько дней уезжаем. Какую там буду вести работу, пока точно не знаю, но полагаю, что ту же, что вел за эти две недели своего политического скитания по Ярославской губернии: агитация, пропаганда, организация, налаживание всевозможных контактов, смещение и назначение различных политических ответственных работников и т. д. Едем куда-то на Пермь, а может быть, и в другое место: пока что питаюсь лишь слухами...

Оставляю дорогое Иваново. Сколько тут было положено труда, сколько тут было пережито радостей и страданий! Здесь впервые получил я политическое крещение, здесь понял правду жизни, осветил ею свою юную душу и загорелся...

Вот уже скоро два года, как горю, горю, не угасая. Как робки, неопытны были мои первые революционные шаги! Как тверды, спокойны, уверенны они теперь! Неизмеримо много дали мне эти два года революции! Кажется, целую жизнь не получил бы, не понял бы, не пережил бы столько, сколько взято за время революционной борьбы. Все самое лучшее, самое благородное, что было в душе, все обнажилось, открылось чужому горю, чужому и собственному взору. Открылись новые богатства, о которых прежде не думал. Например, умение говорить, ораторские способности - прежде как-то совершенно не замечал. Теперь они, эти способности, развиваются и крепнут. А я радуюсь их расцвету, с ними цвету и сам.

И теперь, оставляя тебя, мой родной черный город, я жалею об одном что не буду жить и работать среди рабочей массы, среди наших твердых, терпеливых, страдающих пролетариев. Привык, сросся я с ними. И отрываясь чувствую боль. Вернусь ли? А если вернусь - когда, при каких условиях, кого застану, кого не будет? Прощай же, мой черный город, город труда и суровой борьбы! Не ударим мы в грязь лицом, не опозорим и на фронте твое славное имя, твое геройское прошлое. Мы оправдаем название борцов за рабочее дело и все свои силы положим и там, как клали, отдавали их здесь, у тебя. Неизмеримую радостью ширит-

ся душа. Тихою грустью разлуки томится, печалится она. Прошай же, прошлое - боевое, красивое прошлое! Здравствуй, грядущее, здравствуй, новое, неизведанное - еще более славное, еще более прекрасное!

26 февраля

ЧАПАЙ

Здесь по всему округу можно слышать про Чапаева и про его славный отряд. Его просто зовут Чапай. Это слово наводит ужас на белую гвардию. Там, где заслышит она о его приближении, подымается сумятица и паника во вражьем стане. Казаки в ужасе разбегаются, ибо еще не было, кажется, ни одного случая, когда бы Чапай был побит. Личность совершенно легендарная. Действия Чапая отличаются крайней самостоятельностью; он ненавидит всевозможные планы, комбинации, стратегию и прочую военную мудрость. У него только одна стратегия - пламенный могучий удар. Он налетает совершенно внезапно, ударяет прямо в грудь и беспощадно рубит направо и налево. Крестьянское население отзывается о нем с благодарностью, особенно там, около Иващенковского завода, где порублено было белой гвардией около двух тысяч рабочих.

В случае нужды - Чапай подымает на ноги всю деревню, забирает с собой в бой всех здоровых мужиков, снаряжает подводы. Я говорил с одним из таких "мобилизованных": ничуть не обижается, что его взял Чапай едва не силой.

"Так, говорит, значит, требовалось тогда - Чапай не ошибается и понапрасну забирать не станет".

Крайняя самостоятельность, нежелание связаться с остальными красными частями в общую цепь повели к тому, что Чапай оказался устраненным. Кем и когда - не знаю. Но недавно у Фрунзе обсуждался вопрос о том, чтобы Чапая пригласить сюда, в нашу армию, и поручить ему боевую задачу продвигаться, мчаться ураганом по Южному Уралу, расчищая себе дорогу огнем и мечом.

Ему поручат командование отдельной частью, может быть, целым полком. Высказывались опасения, как бы он не использовал своего влияния и не повел бы красноармейцев, обожающих своего героя, на дела неподобные. Политически он малосознателен. Инстинктивно чувствует, что надо биться за бедноту, но в дальнейшем разбирается туго. Фрунзе хотел свидеться с ним в Самаре и привезти оттуда сюда, в район действий нашей армии.

Через несколько дней Фрунзе должен воротиться. С ним, может быть, приедет и Чапай.

27 февраля

НАЗНАЧЕНИЕ

Получена телеграмма: Фрунзе предписывает ехать к Чапаеву в Александров-Гай и поставить там политическую работу во вновь формирующейся дивизии. Имеется уже приказ. Завтра думаю выезжать. Работать плечом к плечу с Чапаевым - задача весьма занимательная. Он личность незаурядная, спать не любит, и думаю, что наша новая дивизия скоро пойдет в работу.

9 марта

ЧАПАЕВ

...Утром, часов в семь, я увидел впервые Чапаева. Передо мною предстал типичный фельдфебель, с длинными усами, жидкими, прилипшими ко лбу волосами; глаза иссиня-голубые, понимающие, взгляд решительный. Росту он среднего, одет по-комиссарски, френч и синие брюки, на ногах прекрасные

оленьи сапоги. Перетолковав обо всем и напившись чаю, отправились в штаб. Там он дал Андросову много ценных указаний и детально доработал план завтрашнего выступления. То ли у него быстрая мысль, то ли навык имеется хороший, но он ориентируется весьма быстро и соображает моментально. Все время водит циркулем по карте, вымеривает, взвешивает, на слово не верит. Говорит уверенно, перебивая, останавливая, всегда договаривая свою мысль до конца. Противоречия не терпит. Обращение простое, а с красноармейцами даже грубоватое...

Я подметил в нем охоту побахвалиться. Себя он ценит высоко, знает, что слава о нем гремит тут по всему краю, и эту славу он приемлет как должное. Через час с ним еду на позицию, в Казачью Таловку, где стоит Краснокутский полк. Завтра, в восемь утра, общее наступление.

"Меня, говорит, в штабе армии не любят и считают даже врагом советской власти, хотя я в партии коммунистов состою уже более года. А это вот почему. Когда мне приходилось спасать Пугачев и Саратов, там, в Пугачеве, Совет работал плохо. А надо было бороться с белогвардейцами и экстренно мобилизовать крестьян. Вот я и стал все это делать сам, потому что делать было необходимо, а делать некому. Ну, пошли кляузы да поклепы там, в штабе, и взъерошились. Да и до сих пор не могут изменить мнения, хотя уж и убедились, что я борюсь за Совет. Ничего, рассеется, да и мало меня это беспокоит. С товарищами я лажу, они меня знают и любят..."

13 м а р т а

МИТИНГИ ЧАПАЯ

Для организованных, сознательных рабочих теперь смешны, даже возмутительны были бы его ультрадемагогические приемы, но тут, среди крестьян-красноармейцев, сходило, и не только сходило, а имело еще и колоссальные положительные последствия.

- Товарищи, я не потерплю того, что происходит, я буду расстреливать каждого, кто наперед будет замечен в грабеже. Сам же первый и застрелю. А попадусь я - стреляй меня, не жалея Чапаева. Я ваш командир, но командир только в строю; на воле я ваш товарищ. Приходи ко мне в полночь и за полночь, надо - так разбуди, я завсегда с тобой поговорю, скажу что надо. Обедаю - садись со мной обедать, чай пью - и чай пить садись. Я к этой жизни привык. Я академиев не проходил и их не закончил, а вот все-таки сформировал четырнадцать полков и во всех в них был командиром. И там везде был у меня порядок, там грабежу не было, не было и того, чтобы из церкви утаскивали сосуды золотые и рясу поповскую. Поп, известное дело, обманывает народ. Поп потому нам и опротивел, что говорит - "ты не ешь скоромного", а сам жрет, "ты, говорит, не тронь чужого", а сам ворует, вот почему он нам опостылел. А все-таки веру чужую не трожь, она тебе не мешает. Верно ли, товарищи, говорю?

- Верно, верно, - гремело в ответ.

- Ты вот тащишь из чужого дому, а ведь это и без того все твое, раз окончится война - куда же оно все пойдет, как не тебе? Все тебе. Отняли у буржуя сто коров - сотне крестьян отдадим по корове, отняли одежду - и одежду разделим, верно ли говорю?

- Верно, верно...

Лица у всех оживленные. Он сумел зацепить за душу и теперь душу этой

массы держал в своих руках.

- Не тащи, - продолжал он, останавливаясь и запинаясь иногда, не находя, что сказать дальше, - не тащи, а собери все в кучу и отдай своему командиру. Он продаст, а деньги положит в полковую кассу. Все будем продавать, а деньги складывать в эту кассу. А когда тебя ранят - вот тебе из этой кассы сто рублей, убьют тебя - раз по сто рублей всей твоей семье. Вот как, а не так. Верно ли, товарищи? (Взрыв одобрительных, восторженных криков.)

Я ему после заметил, что эта мера - продажа всего чужого захваченного имущества в пользу полка - мера сомнительного достоинства, что имущество переходит совнархозу.

- Мы, - говорит, - только мелочь, а крупное не тронем, да потом ведь эта касса все равно потом перейдет всему государству.

Он на митингах резок и прям, но совсем нельзя сказать, чтоб он плыл по течению и потакал массе. Насколько он быстр в решениях, настолько же тверд и в проведении этих решений. Свое дело знает, в себя верит крепко, в чужих советах не нуждается и делает все самостоятельно. Работник он неутомимый. Голова не знает иных забот, кроме своего дела. Оно его поглощает всецело. В ночь моего отъезда, например, он сидел до шести часов утра и все разрабатывал план переброски полков на Шильную Балку, писал приказы, говорил по прямому проводу с центром, а меня будил через каждый час, чтобы подписать тот или иной приказ. Работник, повторяю, неутомимый. Инициативы в нем много. Ум у него простой и ясный, схватывает все быстро и схватывает за самую сердцевину. В нем все простонародно и грубо, но и все понятно. Лукавства нет, за лукавство можно и по ошибке принять требуемую иногда обстоятельствами осторожность. Словом, парень молодец. Натура самобытная, могучая и красивая.

22 м а р т а

ЧАПАЕВ

Его личность поглотила мое внимание. Я все время к нему присматриваюсь, слушаю внимательно, что и как он говорит, что и как делает. Мне хочется понять его до дна и окончательно. Во время пути мы были все время вместе, ехали неразлучно в одной повозке и наговорились досыта. Я говорю о поездке из Алгая в Самару на лошадях. Путь грандиозный, свыше четырехсот верст. Мы были в пути четыре дня: выехали семнадцатого в час дня, приехали двадцать первого в три часа дня.

Чапая всюду крестьяне встречали восторженно: в Совете лишь только узнавали, что приехал Чапай, - начинали говорить шепотом, один другому передавал, что приехал Чапай, и молва живо перебрасывалась на улицу. Стекался народ посмотреть на героя, и скоро Совет сплошь набивался зрителями. А когда уезжали, у ворот тоже стояли любопытные и провожали нас взорами. Популярность его всюду огромная, имя его известно решительно каждому мальчугану. В одном селе попали как раз на заседание Совета. Его пригласили "хоть что-нибудь сказать", и он рассказал крестьянам о положении наших дел на фронте. Крестьяне шумно выражали ему свою благодарность. В другом селе мы никак не могли найти Совет - он оказался заброшенным куда-то в овраг, на далекую окраину и помещался почти что в сарае. Приехали мы часов в девять вечера. Там никого из советских не было, только дежурил дедка-сторож.

Немедленно вызвали председателя; тот вошел и стал как-то по-рабски кла-

няться, стоял нерешительно, уныло и опасливо оглядываясь. От вестового он уже знал, что его требовал Чапаев. Чапай распек его на все корки и наутро же "приказал" перенести Совет куда-нибудь в центр села, в хорошую квартиру, а в Совете назначить бессменное дежурство. Вообще он поступает весьма самостоятельно в делах и не только военных.

Мы с ним за эти четыре дня, повторяю, говорили очень много. Он еще подробнее рассказывал мне о своем прошлом житье-бытье и все горевал, что судьба у него сложилась нескладно и не дала возможности развиваться как следует. Он, разумеется, сознает и свою невоспитанность и необразованность, свою малую развитость и невежественность. Все хорошо видит, скорбит душой и стремится страстно перевоспитаться и скорее, как можно скорее научиться всяким наукам. Ему хочется ознакомиться с русским языком, ознакомиться с математикой и т. д. Мы договорились, что свободное время я буду с ним заниматься, буду направлять по возможности его самообразовательную работу. Говорили мы немало и на темы политические. Он все внимательно и жадно слушает, потом высказывается сам - просто, хорошо и правильно. Мысль у него правильная и ясная. По пути мы заезжали к нему в семью, которая живет в деревне Вязовка, Пугачевского уезда, верстах в пятидесяти от Пугачева. У него там старик со старухой, трое ребят (два мальчугана и девчурка) и еще женщина-вдова со своими двумя ребятами.

Там у него полное хозяйство, есть живность, есть и пашня. Семья его живет, видимо, не нуждаясь, на стол они наставили нам много всякого добра.

Ну, наконец, после долгих мытарств, добрались до Самары. Явились к Фрунзе. Он рассказал нам пока в общих чертах о положении на всех фронтах, а вечером пригласил к себе пить чай и окончательно договориться о нашей дальнейшей работе. Тов. Сиротинский пришел за мной прежде времени. Я сначала не понял, зачем он меня увлекает, - оказалось, это Фрунзе хотел меня спросить относительно Чапая, кто он и что он, можно ли его назначить на большой и ответственный пост. Я откровенно высказал ему свое мнение о тов. Ч(апаев)е, и он согласился, сознавшись, что сам склонен думать таким же образом. Фрунзе назначает его начдивом Самарской, в которую войдет, между прочим, и наш Иваново-Вознесенский полк. У нас, как известно, под Уфой дела никуда не годятся. Уфу наши сдали и отступают дальше. В связи с этим изменяется и наша дальнейшая работа. Мы ведь предполагали идти на Туркестан добывать хлопок. Теперь же приходится сосредоточиваться в районе Самары. Фрунзе мне высказал даже опасение, что мы снова можем потерять Самару, потерять весь этот край.

29 м а р т а

САМАРА - ВЯЗОВКА

...Черт знает как затомила эта дорога, я даже заболел. Два дня ехали по степи ужасным бураном, однажды сбились даже с пути, хорошо еще, что возницы уцепили скоро дорогу. Метет и крутит отчаянно, ехать приходится наглухо закутавшись в тулуп. С Чапаевым разговорились только на последнем перегоне, верст за двадцать пять до Вязовки. Я ему высказал свое изумление на то обстоятельство, что до сих пор он все еще крестится, рассказал, насколько помнил, историю происхождения религиозных верований и поклонений, захватил по пути и политическую экономию. Потом указал ему на то, как мелочное бахвальство роняет его в чужих глазах, и он вполне со всем этим согласился, задумав

избавиться от недочетов. Его особенно интересует электричество, устройство беспроводного телеграфа, граммофона и т. д. И на эти вопросы, поскольку сам знаю, отвечал и объяснял, сознавшись, что тайна граммофона непонятна и мне самому.

Особенное же удовольствие доставляют ему воспоминания из боевой жизни, когда он подымал двести - двести пятьдесят человек в одном белье и отымал только что потерянные пулеметы, отымал почти голыми руками, благодаря исключительно смелому натиску.

Ворвался однажды в селение, где были уже чехи; те открыли пальбу ускакал. Под Уральском был окружен превосходными силами, перепорол комиссаров и командиров за бездеятельность, поднял всех на ноги и вывел без потерь.

Вспомнил, как в далеком детстве, когда было девять-десять лет, взял у часовщика две копейки - семишник, купил на него арбуза, съел, захворал и пролежал шесть недель. Мать, когда узнала, и молебны давай служить, и в то место, откуда взят был семишник, серебра покидала рубля два-три и, наконец, "вылечила" своим заступничеством.

Это воспоминание врезалось в душу и до сих пор удерживает взять что-то чужое - охватывает какой-то инстинктивный страх перед наказанием свыше.

Наконец доехали в Вязовку. Экстренно объявили на вечер устройство спектакля, а прежде часа три проводили митинг. Спектакль, пустейший по содержанию и скверный по игре, открыли только в полночь, закончив около двух часов. Мне сильно зануджилось, наутро выехать, таким образом, не смогли и остались до следующего утра, а сегодня в Народном доме думаю прочесть свою незабвенную "Парижскую коммуну". Теперь уж в эти края, пожалуй что, долго не попадем, будем держаться ближе к Самаре.

10 а п р е л я

УРАЛЬСК - БУЗУЛУК

Шестого была получена телеграмма от Фрунзе. Он извещал, что по приказанию главнокомандующего мы с Чапаевым должны немедленно выехать в Бузулук, местонахождение штаба нашей дивизии.

Я пришел от Гамбурга* часов в двенадцать ночи. Чапай сидел и ждал меня. Только что перед этим, часа за четыре, у нас произошла в некотором роде сцена. Дело в следующем: я пришел к нему, чтобы поговорить относительно бригадного приказа 30-й (22-й) дивизии о наступлении на поселок Мергелевский, дать критику на этот приказ и выяснить по возможности причины огромной неудачи, постигшей нас при этом наступлении. Во главе комиссии по разбору дела Фрунзе поставили меня. Чапай же был придан как военный знаток. Приказ Чапай взял у меня еще до обеда и хотел с ним ознакомиться заблаговременно, подумать о нем наедине. Когда я пришел, он что-то диктовал товарищу Демину*, писавшему на машинке, - это был приказ комбрига, детально и умно раскритикованный Чапаем.

- Хочешь, я тебе его прочитаю? - спрашивает он меня.

- Почитай, - говорю, - может быть, что будет не так, исправим вместе.

- Нет, вы можете дать свою критику отдельно, вы критикуйте со своей стороны, а я со своей, с военной...

- Так зачем же нам разбиваться, давайте вместе, - говорю ему, ущемленный в самое сердце этой холодной формальностью и официальностью...

На этом разговор и окончился. Он прочитал мне приказ и свою критику. Потом начал хвалиться своим умением, знанием, пониманием дела.

- Вот что, Чапай, - говорю ему. - Ты хороший вояка, ты смелый боец, я этому верю, это в тебе цену, за это уважаю, но сознайся же сам, что стратег - стратег в научном смысле слова - ты все-таки слабый.

Он вспылил, осердился, повысил тон.

- Я слабый стратег? Нет. Я скажу вам, что у нас в армии еще не было и нет такого стратега, как я. Подтверждаю, что я лучший стратег, хоть этому по книгам и не учился. А вся эта сволочь, которая меня не считает за стратега, - они просто контрреволюционеры, и больше ничего. Они меня вот и до сих пор все гоняют без дела, а на фронт не пускают. Они подкапываются под меня, вот что.

Я, конечно, понимал, что в числе не признающих его стратегом "сволочей" он совершенно не имел меня, но полусхмыляет и совершенно спокойно спросил:

- Так, значит, выходит, что и я сволочь?

Он как-то опешил, растерялся, застыдился.

- Нет, про вас я не говорю, я про "них" только.

Мне почему-то (верно, все из-за его официального тона вначале) было не по себе. Постояв минуту, подаю ему руку и говорю "прощай". Повертываюсь и ухожу. Я знал, что ему будет тяжело и неловко после моего ухода, но пусть пораздумает, пусть поразмыслит и покается перед собою.

Теперь, когда я вернулся от Гамбурга, он сидел у меня и ждал. Я прошел мимо к себе в комнату, не сказав ни слова, разделся и сел к столу. Он передал мне опечатанную на машинке писульку следующего содержания:

"Тов. Фурманов! Прошу обратить внимание на мою к вам записку. Я очень огорчен вашим таким уходом, что вы приняли мое выражение на свой счет, о чем ставлю вас в известность, что вы еще не успели мне принести никакого зла, а если я такой откровенный и немного горяч, нисколько не стесняюсь вашим присутствием и говорю все, что на мысли, против некоторых личностей, на что вы обиделись, но, чтобы не было между нами личных счетов, я вынужден написать рапорт об устранении меня от должности, чем быть в несогласии с ближайшим своим сотрудником, о чем извещаю вас как друга. Чапаев".

Эта простая записка меня тронула.

- Полно, дорогой Чапаев, - говорю ему. - Да я и не обиделся вовсе, а если несколько расстроился, то ведь совсем по другой причине. - Тут я ему ничего не сказал, а потом, дорогой, когда уже ехали, сообщил настоящую причину своего недовольства в то время и заставил его признаться в нетактичности по отношению ко мне. Он уже напечатал рапорт об увольнении и показал его мне.

- Как вы смотрите на этот рапорт?

- Считаю его сущей нелепостью, - говорю ему. - Рапорт совершенно не нужен, это недоразумение.

Затем он сообщил мне, что, согласно приказа главнокомандующего, мы должны выехать в Бузулук.

Сейчас же, ночью, сделали все, что нужно, добыли у коменданта две пары лошадей, а на заре, в сопровождении двух товарищей, помчались в Бузулук. Выехали седьмого, а вечером восьмого, то есть через полтора суток, были уже в Бузулуке, промчавшись двести верст. Дорогою мы с ним о многом говорили. Он рассказывал мне о своем прошлом. Оказалось, что когда ему было лет восем-

надцать, то есть годов пятнадцать-шестнадцать назад, он в течение двух лет был шарманщиком. Тогда у него была девушка Настя, плясунья и певунья, с которой он жил вплоть до самой солдатчины.

Дальше он был торговцем. Рассказывал, как неоднократно обманывал купцов-торговцев в отместку за то, что они сами многократно его обманывали и подчас разоряли окончательно, на последние гроши.

- Я всю жизнь прошел, - говорил он мне. - Вся эта торговля и весь капитал - только на обмане все и построено. Я это понял на себе, из самой жизни понял, и убедился, что, пока мы у богача не отымем его богатство, пока мы все не передадим беднякам, - покою не будет. Вот почему я и коммунистом-то сделался - тут я лучше Ленина все понимаю.

Всю дорогу он рассказывал мне о своей прошлой жизни. Теперь он пишет воспоминания и заметки, а когда напишет, передаст мне, чтоб, когда понадобится, я мог обработать, написать.

С к о б е л е в о, 30 а п р е л я

ЧАПАЙ

...Я сделался коммунистом, - говорит он, - не по теории, а на практике. Когда торговал - я видел весь этот обман, знаю, как мы бессовестно и бессердечно обманывали друг друга. Я все думал, как же тут можно обойтись без обмана - и не мог понять. А когда научился коммунизму, когда узнал нашу программу - обрадовался, поняв, что избавиться можно только по этому учению. Вот почему я стал коммунистом. Ничего, что учение знаю плохо, зато я убежден крепко.

29 м а я

БЕЛЕБЕЙ

Сюда, собственно говоря, попали мы зря, ибо занятие Белебея было поручено другой дивизии, а мы тут прикачнулись совершенно случайно. Здесь стоянка вышла весьма долгая. Уставшие части должны были отдохнуть во что бы то ни стало. Предстоит грандиозная операция на Уфу. Надо набраться сил. Здесь мы с Чапаевым схватили за горло и встряхнули всю штабную работу. Заходил политотдел, заходил отдел снабжения, заработали оперативные и административные люди. Наше присутствие сказалось, несомненно, весьма благотворно на общей работе. С Чапаем отношения самые сердечные. Мы весьма близки друг другу, я научился в совершенстве укрощать его, неукротимого. Теперь он все слушает, всему верит, все исполняет. Не было еще случая, когда бы он не принял какого-либо моего предложения. Роль здесь играет отчасти и моя личная близость с Фрунзе, которого он высоко чтит и уважает; но это влияет лишь отчасти, а главное в том, что мы сошлись по душам, любы друг другу, любим друг друга.

Вчера началось грандиозное движение пяти дивизий на Уфу. Завтра выедем на фронт. Снова кочующая жизнь, снова непрерывные передвижения, грохот орудий, бряцание ружей, транспорты, обозы, полки, полки и полки... Снова боевая жизнь, полная тревоги и захватывающей радости - глубокой и страстной.

Ч и ш м а, 2 и ю н я

ИЗ БЕЛЕБЕЯ НА УФУ

Мы тронулись ранним утром. Дорога шла чудным, цветущим лесом. В солнечных лучах играли, переливались чуть налившиеся зеленые листья. Мы свежи и бодры - все верхами, Чапай с Исаем* на паре коней. Мы ехали в горы, ехали с гор, проезжали чистые ключевые речки, ехали черемуховой аллеей. Дорога как